

ДЖОН ЛАНДЕСКО

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ЧИКАГО¹

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

(Э. У. Бёрджесс, Д. Дж. Бог)

Джон Ландеско начинал свое исследование организованной преступности в Чикаго, будучи ассистентом-исследователем по социологии в Комиссии по социально-научному исследованию локального сообщества.

Его исследование продолжилось и расширилось, войдя в исследовательскую программу Ассоциации уголовного правосудия штата Иллинойс.

Ландеско идеально подходил для изучения преступного мира Чикаго. Он имел за плечами богатый опыт. Он родился в Румынии и был привезен в нашу страну своими родителями, вырос в иммигрантской среде, учился в университете штата Висконсин, университете города Цинциннати и Чикагском университете. Он служил социальным работником в Милуоки, когда тот был лучше всего управляемым крупным городом в нашей стране. Впоследствии это дало ему возможность противопоставить законность и порядок в этом городе беззаконию и беспорядку Чикаго двадцатых годов.

Проводя исследование, Ландеско установил личный контакт со множеством гангстеров; позже некоторые из них попали в газетные заголовки как видные жертвы бандитских разборок. Он честно рассказал друзьям из преступного мира о цели своего исследования, попросил их сотрудничества, и они ему помогли. Он обрел известность в преступном мире; тамошние друзья обращались к нему «Профессор».

С некоторыми из самых диких проявлений организованной преступности за последние три десятилетия удалось справиться; правоохранительная работа стала более эффективной. Но многие проблемы охраны правопорядка, по сведениям Чикагской комиссии по преступности, все еще сохраняются. Примерами служат повсеместное распространение нелегальных азартных игр, проституция, войны между бандами, запугивание свидетелей, серьезные дефекты в деятельности судов, подтасовки на выборах и коррупция полиции и политиков в Чикаго и его пригородах. Например, недавний скандал в полиции вскрыл целую серию грабежей, совершенных людьми в униформе, которые действовали как партнеры закоренелых преступников.

Спустя тридцать лет требуется новое исследование организованной преступности. Есть много вопросов, на которые необходимо ответить. Какие изменения произошли в организованной преступности сегодня, когда отмена сухого закона отсекала основной источник ее доходов? Каков смысл бандитских убийств, которые все еще продолжают? В какой степени организованная преступность в некоторых сферах была подавлена и перенесла действия в новые области? Есть ли данные о том, что прибыли организованной преступности вкладываются в более или менее законные бизнесы и предприятия, и каковы эти данные? Какие следствия для подтасовок на выборах имело введение машин для голосования и регистрация избирателей? Насколько достоверны сведения о том, что преступность ныне организовалась в национальном масштабе?

За четыре месяца, с января по апрель 1926 года, в бандитских районах Чикаго произошло 29 убийств, которые полиция и газеты отнесли на счет войн между бандами за монополию над пивным рэккетом. Пик убийств в мире банд пришелся на 27 апреля 1926 года, когда среди троих людей, застреленных из автомата перед входом в салун в Цицero, оказался Уильям Х. Максуйгин, молодой помощник прокурора штата по округу Кук. Его убитые компаньоны были известными гангстерами. Что делал в компании известных гангстеров государственный чиновник, так и не было точно установлено, однако многие предположили, что он и его дружки из преступного мира были убиты за участие в недавних первичных выборах, в которых соперничающие банды проявили политическую активность в проталкивании дружественных им кандидатов. Убийство так и не раскрыли, несмотря на

¹ Перевод выполнен по: *Landesco J. Organized Crime in Chicago // Burgess E.W., Bogue D.J. (eds). Contributions to Urban Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1964. P. 559-576.* Данный текст представляет собой сокращенную версию одноименной работы Дж. Ландеско (1929), подготовленную Э. У. Бёрджессом и Д. Дж. Богом специально для издания, с которого сделан настоящий перевод.

следствие, проведенное коронером, и шесть расследований большого жюри (одно из них федеральное). Между тем это событие вызвало такое общественное негодование, что стали настоятельно необходимы расследование и реформа. Чикагские газеты, прежде всего *Tribune*, были движущей силой этой реформы и помогли удержать проблему в центре общественного обсуждения. Одним из результатов стало *Illinois Crime Survey* (Исследование преступности в штате Иллинойс), главным участником которого был факультет социологии Чикагского университета. Эта эпоха разоблачения извлекла на свет некоторые важные факты, касающиеся связи преступных банд с политической организацией, а также факты, касающиеся того, как миру организованной преступности удалось взять под контроль государственных чиновников, выборы и даже суды Чикаго.

Сама безрезультатность шести расследований большого жюри по делу Максиггина поставила много смущающих и тревожных вопросов о причинах неэффективности законных властей Чикаго и округа Кук и их кажущейся беспомощности перед силами организованной преступности.

Это исследование было предпринято с целью социологически объяснить происхождение и рост организованной преступности в Чикаго и проследить те процессы, посредством которых организация преступного мира может обрести контроль над муниципальной правительственной машинерией во втором по величине метрополисе нашей страны.

Газетные отчеты о преступности оказались одним из лучших источников материала. Вдобавок к этому автор провел многочисленные интервью с членами банд как в тюрьмах, так и вне тюрем. Он получил доступ к секретным досье ведущих чикагских ежедневных газет и к полицейским архивам. Ежедневные данные о преступности и пороке за 25 лет, предшествовавших исследованию, систематически собирались, сравнивались и классифицировались. Когда этот материал был наконец упорядочен, он явил взору связную и согласованную картину происхождения, роста и последствий организованной преступности в условиях жизни современного крупного городского сообщества. Газетные и иные отчеты о показаниях, которые давали перед различными большими жюри государственные чиновники и другие свидетели, раскрыли эти условия, какими они были в Чикаго. Серьезность проблемы могущества организованной преступности была доведена до сознания общественности в следующих двух цитатах из газет. Со-

общается, что Аль Капоне, главный подозреваемый, ненадолго задержанный по официальному обвинению, объяснил интервьюеру, что у него не было мотива для убийства помощника прокурора, заявив: «Я платил Максиггину, и платил много. Я получал то, за что платил». Чарльз А. Макдональд, специальный обвинитель, после проведения пяти больших жюри сказал: «Имена этих свидетелей нужно хранить в тайне. Как только свидетели узнают, что их разыскивают, они или исчезают, или обнаруживаются убитыми».

Это исследование проводилось путем отслеживания нескольких линий развития преступности. Прослеживался рост конкретных банд и конкретных лидеров; использовались любые материалы, которые можно было собрать из всех доступных источников. В отчете эти расследования представлены в виде серии глав. Ниже коротко обобщается каждая из глав.

Эксплуатация проституции

В этой главе ставятся три основных вопроса:

1. Как организованная преступность обрела свое нынешнее могущество?
2. Каким образом организованная преступность сохранялась, несмотря на последовательные удары со стороны всех органов охраны правопорядка?
3. На чем основано влияние банд? Что позволяет им сопротивляться установленной власти, открыто ее игнорировать, ускользать от нее и держать ее под контролем?

Ответы на эти вопросы даются в историческом исследовании источников организованной преступности и ее роста в Чикаго.

Организованная преступность существовала в Чикаго еще до начала XX века и, видимо, выросла за счет систематизации эксплуатации проституции. Аль Капоне, владыка чикагских банд, начинал жизненный путь телохранителем Джеймса Колозимо, первого короля порока в Чикаго. В 1912 г. со ссылкой на надежные источники сообщалось, что в сегрегированном районе порока к югу от Петли, тянущемся вдоль реки от Восемнадцатой до Двадцать первой улицы, было по крайней мере 200 публичных домов, находившихся под управлением порочного треста Колозимо. Этот трест собирал доход с каждого из этих домов, платил за улаживание дел с полицией и делал взносы в избирательные фонды. Он регулировал конкуренцию. Он требовал от

публичных домов покупать товар в определенных бакалейных магазинах и забрать деньги из страховой компании, представленной одним влиятельным политиком. Настоятельно рекомендовалось обращаться к конкретным врачам. Водители такси получали процент от денег, потраченных клиентами, которых они привезли в публичный дом. Эта система была надежно защищена от вмешательства полиции, поскольку пользовалась покровительством олддермена района и местного шефа полиции. Под контролем треста находилась целая сеть салунов, расположенных рядом с его публичными домами и тайными притонами или где-то поблизости.

Давление со стороны лидеров движения за реформу в сообществе, мэров, выступавших за реформы, и священников привело к рейдам и «кампаниям по очистке города», которые всего лишь показали, что шефы полиции и другие высокопоставленные политические чиновники регулярно получали взятки от отелей и борделей. Синдикаты порока процветали при таких мэрах, как Уильям Хейл Томпсон, отдававший предпочтение политике «широкой открытости».

Исторический обзор порока в Чикаго приводит к следующим выводам:

1. Организованный порок как форма нарушения закона глубже укоренен в социальном и политическом порядке Чикаго, чем обычно признается. Он сформировался еще до наступления XX века и с тех пор воспроизводился как институционализованный элемент сообщества.

2. Крестовые походы против порока, даже когда они успешно достигали своих целей, похоже, не искореняли социальное зло; они еще больше загоняли его в глубь сообщества, где оно стремится найти скрытые формы выражения.

3. Следствия реформ, призванных изменить ситуацию, могут на самом деле давать новые возможности для политической коррупции в руки порока и других противозаконных элементов.

4. Политики часто спекулируют на общественном чувстве против зла и отвлекают его на цели фракционной политики. Реформа становится средством победы на выборах, а не инструментом исправления злоупотреблений. В нынешних условиях короли порока, профессиональные игроки и нарушители закона принимают такое же активное участие в выборах, как и другие элементы сообщества. Поскольку они становятся частью политической организации, на которую можно

опереться, они неизменно оказывают чрезвычайное влияние на людей, которые представляют их в политике. Охрана правопорядка в подобных обстоятельствах стремится превратиться в симуляцию. Притонам, защищенным политическим покровительством, позволено функционировать, тогда как другие места становятся мишенью регулярных полицейских рейдов.

5. В этих условиях полиция, естественным импульсом которой является охрана правопорядка, становится циничной и коррумпированной.

6. Каждая новая администрация, будь то либеральная или нацеленная на реформу, чаще всего разрушает существовавшие до сих пор соглашения между чиновниками и нарушителями закона. Следовательно, смены администрации обычно идут на пользу более способным и более опытным правонарушителям. Для Чикаго получены сведения, показывающие удивительную преемственность и постоянство как крупных, так и мелких личностей в организованном пороке на протяжении 25 лет. В сущности, наблюдается нечто вроде престолонаследия королей порока от Колозимо до Капоне.

7. Наконец, с принятием сухого закона персонал организованного порока возглавил систематическую организацию этой новой и прибыльной области эксплуатации. Весь опыт, полученный за годы борьбы против реформаторов, и тайные соглашения с политиками были поставлены на службу организации производства и распределения пива и виски.

Господство преступного мира: игорные синдикаты

Синдицированная игра на деньги как фаза организованной преступности в Чикаго получила развитие по инициативе некоего Монта Теннеса. Будучи собственником Бюро универсальных новостей, он контролировал каналы сбора и распространения новостей о бегах в Чикаго и основных частях Соединенных Штатов. Он создал инфраструктуру букмекерских контор и игорных домов в Чикаго и других городских центрах. Документы того времени показывают, что он добивался контроля над политиками и чиновниками в целях защиты самого себя, своих сообщников и помощников, а также контроля над полицией в целях обретения иммунитета или даже использования полицейских операций для устранения конкурентов и врагов. Поскольку азартные игры нелегальны, они не могут существовать, не создавая

беззаконие, и это отчасти осуществляется путем влияния на выборы через взносы в фонды избирательных кампаний или дачи взяток чиновникам. Поскольку это незаконный бизнес, игроки не могут обратиться в суд для разрешения споров относительно своих имущественных прав; поэтому они решали споры взрывами, убийствами и поджогами. Игровые клики содержат и поддерживают бомбистов и боевиков, которых мобилизуют на действие во времена бандитских войн.

Вскоре после 1900 г. в Чикаго было уже три игровых синдиката: один в Норт-Сайде, контролируемый Теннесом, один в Петле, контролируемый двумя олддерменами, втянутыми в порочный трест, и один в Саут-Сайде. Полиция предпринимала сравнительно мало искренних попыток подавить азартные игры, за исключением краткого периода, когда пост шефа полиции занимал Шюттлер (1904-1906). Имея перед глазами раздольный город и миллионные прибыли, чикагские магнаты игрового бизнеса вступили в войну за первенство. Размеры прибылей, ставших предметом раздора, опрокинули привычную осторожность и скрытность трастовых игроков, которые за них сражались. Открытый прием ставок букмекерами под надзором преступных кругов можно было обнаружить в любой части города. По наущению игровых синдикатов дружественная им коррумпированная полицейская организация осуществляла налеты на игровые дома и места, работавшие без позволения синдиката, и это было эффективным средством изведения его конкурентов. Боссы игрового бизнеса стали спорить за территории и за доли в прибылях. В 1907 г. произошла серия взрывов; все они, видимо, предназначались Монту Теннесу, уже захватившему к тому времени контроль над каналами, по которым передавались новости с бегов.

Несмотря на периодические попытки частных гражданских групп, таких, как «Чикагский закон» и «Лига порядка», исследовать положение дел в игровом бизнесе и продемонстрировать сближение государственных чиновников с его боссами, синдикаты росли, процветали и продолжали воевать друг с другом. Полицейские облавы обычно не обнаруживали никаких букмекеров, тогда как газетные репортеры без труда их находили. В августе 1916 г. чикагская «Daily News» опубликовала разоблачительный материал о букмекерских конторах, действовавших без всякого вмешательства со стороны полиции, и задала два вопроса: «Не контролирует ли Теннес департамент полиции?» и «Кому сколько платят?» Она обнародовала названия опекаемых учреждений

и привела слова «высокопоставленного полицейского чиновника»: «Букмекерская контора или игорный дом должны точно так же платить за крышу, как салун или ресторан должны платить за городскую лицензию. Любое заведение, которое не платит за покровительство, немедленно навещается и закрывается. Если место работает, значит, все довольны оплатой». Говорилось, что покровительство оплачивается или политическими услугами, или наличными. В октябре 1916 г. федеральному судье Кинсо Ландису из районного суда удалось довольно глубоко разобраться в деятельности чикагских игровых синдикатов. Свидетели подтвердили в его присутствии, что синдикат Теннеса владеет более чем дюжиной крупных букмекерских контор в разных районах Чикаго, что они и десятки аналогичных контор, платящих за услугу, снабжаются информацией из тайного центрального бюро в отеле на Уобаш-авеню, что их выручка ежедневно собирается и свозится в офис синдиката и что эта операция приносит от 20 до 25 тыс. долл. месячной прибыли только с аренды каналов новостной информации о бегах. Наряду со ставками на бегах, этот синдикат и другие учреждения использовали и другие формы азартных игр. Поскольку передача новостей о бегах между штатами не была в то время запрещена, федеральное расследование ни к чему не привело.

Во время 1-й мировой войны контроль над игровым бизнесом пришел в упадок. После войны ряд решительных полицейских операций, которые, как утверждали газеты, были проведены с целью обеспечить более крупную долю в прибылях для политиков, ослабили старый синдикат. На сцену вышла банда Аль Капоне, решившая добавить игорный бизнес к списку своих источников дохода. Пользуясь таким оружием, как бомбы, обрезы, автоматы и угрозы «взять с собой на прогулку», они заставляли каждого держателя игорного дома, каждого владельца букмекерской конторы и прочих лиц, подвизающихся на этой ниве, отстегивать процент со своего дохода. Защита и неприкосновенность, которыми пользовались члены синдиката, служили почти очевидным признаком того, что некоторые чиновники и политики получают от синдиката свою долю добычи.

Господство преступного мира:

пивоварение и контрабандные перевозки пива

Как только вступили в действие восемнадцатая поправка и акт Волстеда, трест, опекавший проституцию, направил свое внимание на

организацию такого бизнеса, как производство и продажа пива. Колозимо, старый король порока, умер, и его руководящая роль перешла к Джону Торрио, протеже, приемлемому как для политиков, так и для гангстеров. Одним из первых его шагов на этом поприще стал захват порока и игорного бизнеса в Цицерио, западном пригороде, с превращением его в базу, из которой осуществлялось управление продажами пива и игорными заведениями. Он быстро стал чикагским пивным королем. Он купил несколько пивоварен и благодаря оплаченному покровительству получил возможность продавать пиво на всей территории города. Более того, его банде удалось выдержать конкуренцию с другими претендентами на этот бизнес при помощи полицейских облав, убийств и налетов. Федеральные агенты, пытаясь поймать преступников в пунктах изготовления и продажи пива, обычно, прибыв на место, обнаруживали, что гангстеры были кем-то «предупреждены».

Аль Капоне был главным заместителем Торрио и многому научился у него в этой области уголовной деятельности. Перемены в составе городской администрации (мэр Девер) привели к усилению полицейских действий против синдиката, так что престиж и власть синдиката Торрио ослабли в 1924 г., когда Торрио был схвачен во время очередной облавы и приговорен к тюремному заключению.

По мнению автора, именно Торрио разработал общий план ведения криминального бизнеса в широком масштабе; этот план был модифицирован его преемниками, но сохранил при этом свои основные черты.

1. Криминальные деловые предприятия, такие, как порок, азартные игры и бутлегерство, действовали под адекватным политическим покровительством. Могущество Торрио держалось во многом на его способности гарантировать прикрытие своим партнерам-гангстерам. Ограждение от наказания оказывается почти незаменимым элементом поддержания престижа и власти гангстерского главаря, о чем говорит отставка Торрио после отбытия тюремного заключения.

2. Лидер банды должен обеспечивать согласие между гангстерами путем отведения каждому собственной территории для действий. Когда у него есть враги, он должен прибегать к безжалостным военным действиям и оказывать влияние на полицию, так чтобы она действовала против его соперников, в то же время поддерживая неприкосновенность собственной организации.

3. Лидер банды должен извлекать пользу из того факта, что территория метрополиса подпадает под множество разных муниципальных юрисдикций. Он должен контролировать пригородные поселки и криминальную деятельность в них как часть своей империи; иначе они станут источником конкуренции.

4. Главарь банды должен собрать группу людей, специализирующихся в разных криминальных профессиях (наемных убийц, воров, бомбистов), и самых разных «надежных» людей уважаемых профессий (врачей, адвокатов, торговцев и политических вождей).

Пивные войны

Администрация мэра Девера попыталась обрушить на производство и продажу алкогольной продукции всю силу закона и предприняла настоящую атаку на бутлегерство. Это нарушило статус-кво банд в Чикаго, привело к падению Торрио и спровоцировало всплеск «войн» между бандами. За четыре года, с 1923 по 1926 включительно, не менее 215 гангстеров были убиты другими гангстерами. Полицией за эти четыре года было убито в перестрелках 160 пивных гангстеров. Именно в этот период происходило возвышение Аль Капоне, возглавившего империю Торрио после его ухода. В октябре 1926 г. враждующие банды заключили перемирие, поделили территорию и установили более мирную ситуацию. Этот период сравнительного спокойствия наступил не в результате действий полиции и судов; он стал следствием установления новых условий мира лидерами гангстеров.

Организованную преступность, проявившуюся в пивных войнах, нельзя рассматривать как изолированный феномен, связанный с проведением в жизнь непопулярного общенационального сухого закона. Демонстративное попрание закона и порядка вооруженными бандитами и их безнаказанность существовали еще до принятия сухого закона, причем существовали одновременно и в других областях вымогательства и преступности.

Бомбы как орудие запугивания

Подкладывание бомб систематически использовалось организованной преступностью в Чикаго с первых дней ее зарождения. Эта глава базируется на изучении свыше 300 случаев подкладывания бомб, относящихся к периоду с 1904 по 1929 г. Эти подкладывания бомб были классифицированы по мотивам и организациям, обвиненным в их использовании.

Подкладывание бомб в игорных войнах

Как было показано выше, в спорах различных клик в игорном бизнесе широко применялись взрывные устройства. Бомбы применялись в спорах за территорию, для запугивания свидетелей, для демонстрации прессе и публике наличия игорных заведений и введения в смущение полиции, для силового увеличения доли в прибылях и для выставления напоказ участия чиновников в незаконных доходах от азартных игр. За четверть века, охваченную настоящим исследованием, ни один человек из мира игорного бизнеса не был осужден за подкладывание бомб. Имеются признаки того, что во время игорной войны 1907 г. и других игорных войн нанимались специализированные банды бомбистов и что полиция знала, кто подкладывал бомбы.

Подкладывание бомб и «Черная Рука»

«Черная рука» — вымогательство денег с помощью писем, содержащих угрозы. Письма отправляются анонимно, за подписью «Черная Рука» или «La Mano Nera»; в них указывается денежная сумма, которую нужно уплатить за безопасность, а также время и место передачи денег. В самом начале XX века эта форма вымогательства распространилась в итальянском сообществе, и если кто-то отказывался подчиниться, его обычно взрывали, а иногда расстреливали. Сицилийцы, составлявшие подавляющее большинство итальянского населения Чикаго, терроризировались «Черной Рукой» еще на Сицилии, и люди, опытные в совершении этого вида преступления, были, несомненно, из иммигрантов. В Чикаго эта практика расцвела пышным цветом в силу благоприятных условий для преступности; в Милуоки и многих других городах, которые приняли сицилийских иммигрантов, она лишь слабо проявилась поначалу, а вскоре и вовсе исчезла. В Чикаго большинство вымогательств по методу «Черной Руки» совершалось не крупными группами организованных преступников, а мелкими группами. Требуемые суммы обычно варьировали в диапазоне от 1000 до 5000 долларов и, как правило, выплачивались. По оценкам лидеров итальянского сообщества, ежегодно вымогателям выплачивалось полмиллиона долларов. В апреле-мае 1915 г. вследствие игнорирования требований, которые содержались в угрожающих письмах, было совершено 8 взрывов.

Террор «Черной Руки» прекратился, когда федеральное правительство стало расследовать и наказывать факты использования почты. Вымогательство продолжалось, но теперь сообщения стали переда-

ваться по телефону, и карой за неуплату стало убийство, а не подкладывание бомбы.

В период наивысшего расцвета вымогательства методом «Черной Руки» его жертвы, опасаясь смерти, обычно отказывались разговаривать с полицией и помогать ей в расследовании. Законопослушное итальянское сообщество на опыте убедилось, что давать информацию полиции тщетно и даже опасно, ибо не было ни одного ареста или судебного преследования, кроме как со стороны федерального правительства. Вымогателям зачастую удавалось нейтрализовать судей и чиновников, пользуясь политическими связями. Было бы совершенной пошлостью оправдывать подлые, кровавые практики вымогательства по методу «Черной Руки» и широко распространенную практику выплаты жертвами дани историческим объяснением, что, дескать, вымогание денег по почте и заговор молчания — это черты, трансплантированные из Старого Света. Эти практики родились на Сицилии в условиях, очень похожих на те условия, которые были обнаружены итальянцами в Чикаго: и тут и там были политики, готовые пойти сколь угодно далеко в парализации закона и освобождении от наказания любого преступника за деньги или политическую поддержку.

Использование подкладывания бомб в политике

В первые годы XX в. политическая власть в Чикаго была сосредоточена в руках коренных жителей города. По мере того как росли ирландское, немецкое, а затем итальянское и польское сообщества, они постепенно пробили себе путь в политику и стремились получить свое представительство в Городском совете. В первую четверть века итальянское сообщество упорно боролось за получение своего политического представительства, но этому оказывалось сопротивление как законными, так и незаконными средствами. Обе стороны подрывали бомбы на политических митингах; совершались убийства политических лидеров; в конце концов, был убит итальянский кандидат в олдермены.

Когда политического представительства стало добиваться негритянское население, прокатилась такая же череда взрывов и насилия. 10 апреля 1928 г., вечером в день выборов, когда закрылись избирательные участки, в Двадцатом квартале был застрелен негритянский адвокат, впервые баллотировавшийся на выборный пост. Ряд условий много лет обострял отношения между черными и белыми: объединение цветной рабочей силы в профсоюзы, безработица после Первой мировой войны, перенаселенность негритянских районов, плохая ра-

бота транспорта, недостаток школ, скверные жилищные условия и условия жизни. В те дни белое население переживало большие экономические потери, и в это же самое время началось проникновение негров в их жилые кварталы, ибо многие белые квартиросъемщики съехали, цены на собственность упали, и только въезд негров восстанавливал их прежний уровень на радость риэлторам. Расовые волнения 1919 г. были лишь кульминацией множества взрывов, направленных против негров, и эти взрывы упорно продолжались все 20-е годы, пока негры осваивали новые жилые районы.

Многие взрывы, имевшие политическую подоплеку, не были напрямую связаны с экспансией этнических или расовых групп, а были связаны лишь с фанатичными идеологическими различиями — и с борьбой за сохранение или получение контроля над потоками денег от организованной преступности. Как гангстеры использовали бомбы для устранения своих конкурентов, точно так же и коррумпированные политики нередко прибегали к аналогичной тактике для достижения аналогичных целей.

Использование подкладывания бомб профсоюзами

Некоторые профессии в Чикаго прославились требованием и получением взяток. В авангарде этого дела оказались строители. Взятничеством активно промышляли как работодатели, так и строительные профсоюзы. Они требовали от подрядчиков «отката» за получение контракта или за получение продукции от рабочих; в итоге те были вынуждены принять внеэкономические правила и договоренности. Попытки ухода от этих неписаных обязательств наказывались подкладыванием бомб. Все вовлеченные стороны стали считать это нормальной частью работы в Чикаго; чиновники и профсоюзы приняли выплату денежных взяток как нормальную часть строительства. Попытка положить конец взяткам в строительной отрасли, предпринятая судьей Кинсо Маунтином Ландисом в 1922 г., увенчалась серией взрывов. У подрядчиков, попытавшихся соблюдать установленные судьей правила, были взорваны построенные ими здания. Власть террора в строительной отрасли достигла кульминации, когда был застрелен полицейский и были арестованы профсоюзные лидеры. Дела против всех (кроме одного, мелкого гангстера) были закрыты при условиях, наводящих на мысль о подкупе правосудия. Некоторые крупнейшие производители стройматериалов помогли обвиняемым профсоюзным лидерам оплатить расходы на адвокатов.

Подкладывание бомб как бизнес

Уже в 1921 г. стало очевидно, что для некоторых банд подкладывание бомб является бизнесом. За плату они брались за любую работу по организации взрыва. Любой профсоюз, проводивший забастовку, мог присовокупить к своим требованиям весомый аргумент в виде коммерческого подкладывания бомбы в его интересах. Владельцы парикмахерских, работавшие без соблюдения правил, установленных профсоюзом парикмахеров, принуждались к выполнению этих правил коммерческими бомбистами. Гангстеры начали использовать бомбистов для наказания бизнесменов, которые отказывались вступить в так называемые деловые организации, являвшиеся всего лишь формой рэкета и вымогательства. Таким образом, профессиональный бомбист способствовал совершенствованию методов рэкета.

Рэкет: шантаж и вымогательство

«Рэкет» — это использование делового объединения или организации работников для получения личной выгоды с помощью насилия. Рэкетир может быть боссом предположительно законного делового объединения; он может быть профсоюзным организатором; он может выдавать себя за того, другого или одновременно обоих; он может быть просто профессиональным бандитом. Независимо от того, является ли он головорезом, навязавшим себя какому-то профсоюзу в качестве лидера, или организатором делового объединения, его методы одинаковы: бросанием кирпичей в окна и иногда убийством (возможно, непреднамеренным) ему удастся организовать группу мелких бизнесменов в то, что он называет протекционным объединением. Затем он начинает собирать с них сборы и пошлины, какие захочет, накладывать штрафы, какие сочтет для себя подходящими, регулирует цены и часы работы и пытается всевозможными способами распрячься предприятием для извлечения личной прибыли. В отношении любого торговца, не вошедшего в объединение или вошедшего, но не пожелавшего остаться и переставшего платить дань, используются взрывы, избиения и другие формы запугивания.

В 1927 г. одна деловая группа сообщила о 23 направлениях бизнеса, над которыми рэкетеры установили или пытались установить контроль. Это мытье окон, перегонка машин, сбор тряпья, химическая чистка одежды, прачечные, торговля леденцами, зубокабинеты, вывоз мусора, бакалейные лавки и магазины деликатесов,

владельцы гаражей, врачи, аптечные магазины, оптовая продажа молока, гончары-глазурищики, фотографы, цветочники, чистка обуви, рестораны, ремонт обуви, торговля рыбой и домашней птицей, мясники, пекари и витринные манекены.

Во время Исследования преступности в штате Иллинойс в 1929 г. список видов экономической деятельности, находящихся под контролем рэкетиоров, включал уже свыше 90 наименований. Аль Капоне, владыка организованной преступности, был теперь держателем акций в тысячах деловых предприятий, гарантируя им в обмен «лучшую в мире защиту». Рэкет расцвел в Чикаго более, чем в большинстве городов, благодаря его традиции беззакония и насилия.

Гангстер и политик

Связь гангстера и политика становится наиболее очевидной для публики в день выборов. Оспаривание результатов и пересчет голосов после выборов выставляют на всеобщее обозрение фальсификации, совершаемые гангстерами в пользу политиков. Манипуляция выборами, осуществляемая при содействии преступного мира политиками, тесно связанными с партийной машиной, давно стала практикой в примыкающих к реке кварталах Чикаго и постепенно распространилась на другие районы. Между тем фальсификация выборов не раскрывает всей картины взаимных связей политика и гангстера.

Жители так называемых «кварталов, где прозябают синие чулки» часто получают ошибочное впечатление, что если бы бюллетени в речных кварталах были свободно заполнены и честно подсчитаны, то они продемонстрировали бы большинство, выступающее против квартального босса, его приспешников и его союзников из мира гангстеров. Нет ничего более далекого от истины. Даже если бы на большинстве проводимых выборов все подтасовки разоблачались, число фальсифицированных голосов не намного превысило бы двадцать тысяч (1929). Что нужно учесть, так это элемент подлинной популярности гангстера, который вырос в районной шайке, идеализируемой в морали соответствующего района.

Политическая история в Чикаго писалась по крайней мере частично деятельностью громил и юношеских шаек, которые делали «силовую» работу на выборах. Одна из таких шаек помогала ирландцам удерживать политический контроль в районе Задворков еще долго после того, как туда прибыли свежие волны поляков, чехов и других

иммигрантов из Восточной Европы. Эти шайки были сосредоточены вокруг атлетических и иных клубов и часто пользовались в своих локальных соседствах высоким уважением. Появление на месте районной шайки всецело корыстной банды, контролирующей выборы ради прибыли от незаконной или контрабандной коммерции, стало устойчивой тенденцией после 1920 г.

В апреле 1924 г., когда Торрио брал под контроль Цицерио, это делалось «легально», путем внесения в республиканский список отобранных кандидатов. В понедельник вечером накануне голосования боевики вломились в офис кандидата от демократов, избивали его и обстреляли помещение. Автомобили, наполненные вооруженными бандитами, разъезжали по улицам, избивая и похищая членов избирательных комиссий. На избирательные пункты нагрянули вооруженные громилы; угрожая оружием, они отбирали бюллетени у людей, стоявших в очереди, чтобы опустить их в урну. Избирателей и работников избирательных комиссий похищали, отвозили в Чикаго и держали пленниками до тех пор, пока пункты не закрылись.

Банда Капоне была организацией профессиональных гангстеров. Она отличалась от районной шайки тем, что не была порождением социальной или игровой группы. Банда Капоне была сформирована специально для управления учреждениями порока, игорного бизнеса и продажи спиртных напитков.

На первичных голосованиях и выборах свидетельства альянса гангстера и политика снова и снова становились публичным скандалом. Взаимность их услуг нетрудно обнаружить. Гангстер в своей преступной и противоправной деятельности опирается на политическое покровительство. Следовательно, он жизненно заинтересован в успехе определенных кандидатов, которые, на его взгляд, будут благосклонно к нему расположены. Политики, даже самые честные, прекрасно понимают, какую роль играют в политике и выборах персонажи из преступного мира. Гангстеры и их союзники всегда голосуют и приводят голосовать друзей, тогда как церковные люди и иные «хорошие» граждане держатся от избирательных пунктов подальше, если речь не идет о президентских выборах или тех периодически случающихся местных выборах, на которых драматически ставится вопрос о противостоянии добропорядочных граждан организованной преступности.

Фальсификации на выборах — один из способов, которыми гангстеры и боевики расплачиваются с политиками за благосклонность.

Фальсификации в голосовании были вечной проблемой муниципальных исследований, которые проводились университетскими учеными в Чикаго, и эти исследования имели регулярный характер.

Анализ исследований фальсифицированного голосования, проводимых с 1900 г., показывает следующие факты.

(1) Географический ареал, в пределах которого случаются факты подачи фальшивых голосов, ограничен, и его можно проследить по карте города.

(2) Органы, осуществляющие надзор за выборами — окружной судья, избирательная комиссия и служба прокурора штата, — из раза в раз вступают в одни и те же конфликты вокруг одних и тех же правовых моментов, которые вытекают из дублирования функций и разделения и столкновения полномочий.

(3) Пристрастность Окружного собрания представителей^{*} определяет его действия по ассигнованию средств на специальные расследования.

(4) Прокурор штата всегда сопротивляется и, насколько это возможно, препятствует назначению специального обвинителя и специального большого жюри для расследования фальсификаций на выборах: (а) попытками остановить ассигнования Окружного собрания и (б) попытками добиться приоритета в назначении подходящего специального обвинителя и подходящего большого жюри. Постоянно повторялась ситуация, когда фальсификации в голосовании расследовались одновременно двумя или более специальными большими жюри.

(5) Прокурор штата пытается захватить полномочия генерального прокурора, наделенного правом осуществлять надзор за сколь угодно многими большими жюри, работающими одновременно.

(6) Когда правящая партия находится в процессе распада на фракции и возникают фракционные двухпартийные альянсы, активизируется деятельность по расследованию фальсификаций на выборах со всеми сопутствующими этому махинациями и маневрами, нацеленными на то, чтобы захватить контроль над выборной машинерией и расследованиями и обеспечить публичное освещение дела в выгодном свете. В прошлом эта деятельность, похоже, была нацелена не столько на беспристрастное подавление фальсификаций, сколько на получение фракционных преимуществ в политической борьбе.

* Высший административный орган округа Кук. — Прим. перев.

(7) Действительные подтасовки, которые можно юридически доказать, совершаются мелкими сошками. Они отказываются назвать имена своих тайных хозяев, и, следовательно, «тузам» всегда оказывается невозможно предъявить обвинение. Мелкие сошки, молчащие как рыбы, обычно обвиняются окружным судьей в неуважении к суду. Когда дело рассматривается в уголовном суде, оно очень часто рассыпается из-за отсутствия доказательств. Политические боссы предоставляют деньги и адвокатов для защиты дел в суде, но их имена редко фигурируют (или вообще не фигурируют) в свидетельских показаниях.

(8) В прошлом центрами фальсификаций на выборах были ареалы, где в изобилии присутствовали забегаловки, салуны, «ночлежки» и доходные дома и где в больших количествах обитали бездомные или проезжие люди, у которых можно было купить голоса. Этот ареал разросся вследствие новой иммиграции в территории, находившиеся под властью политических манипуляторов прежних поколений. Позже в среде иммигрантов выросли свои лидеры, перенявшие опыт у прежних нечистоплотных политиков. Во всех иностранных районах всегда было много иммигрантов, предпочитавших держаться подальше от политики по причине «низости» местных лидеров и бесчестности их методов. Количество зарегистрированных избирателей и лиц, приходящих голосовать, всегда было в этих кварталах небольшим по сравнению с численностью их населения и в основном ограничивалось подконтрольной подачей голосов. Когда благодаря конфликтным ситуациям происходит пробуждение расового или национального группового сознания, политик может извлечь из этого большое число законных голосов.

(9) Молодые люди из иммигрантских групп, начиная с детских игр на улице, некритично ассимилировались ко всем традициям соседств, в которых они жили. Уличные шайки были их наследием; конфликт между расами и национальностями часто делал их необходимыми; конфликт и ассимиляция шли рука об руку. Политик относился к ним с предельным вниманием, оказывая им покровительство и используя их для достижения собственных целей. В истории банды всегда ярко выражено это политическое подкармливание. Банды часто становятся политическими клубами.

(10) Непременный элемент, выявляемый в каждом расследовании, — это попустительство полиции, которая видит фальсификации на выборах, терпимо к ним относится и препятствует расследованию, отказываясь дать свидетельские показания. Все говорит о том, что

полицейские подчиняются политике ввиду той власти, которую он имеет над их рабочими местами.

(11) Избиение и запугивание избирателей было хронической жалобой на протяжении всего рассмотренного периода. С появлением бутлегерства возник новый феномен вооруженного богатого главаря, становящегося политическим боссом района.

(12) Хотя в последние 8 лет практиковались все типы фальсификаций, какие только существовали, можно сказать также, что в последние годы велась наиболее эффективная и беспристрастная борьба с фальсификацией результатов выборов посредством судебных преследований. Здесь следует отдать должное гражданским организациям, поддержанным частными фондами, и честному окружному судье, беспристрастно борющемуся за чистоту выборов, особенно если учесть всю неповоротливость хаотичной правительственной машинерии, которой приходилось пользоваться следственным группам, и те препятствия, с которыми им приходилось сталкиваться в борьбе с самой могущественной политической организацией в истории Чикаго.

Техника фальсификаций на выборах для всего рассматриваемого периода может быть аналитически подразделена на три части: (а) незаконные практики сотрудников избирательных комиссий, (б) незаконные деятельности партийных работников и (в) действия, предпринимаемые после объявления результатов голосования.

[Далее Ландеско перечисляет следующие практики]:

А. Незаконные практики сотрудников избирательных комиссий.

1. Раздувание книг учета избирателей.

(а) Внесение вымышленных имен в реестр, позволяющее липовым избирателям голосовать под этими именами в день выборов.

2. Злоупотребление положением о направлении извещений.

(а) Намеренное неотправление извещений незаконно зарегистрированным лицам, фиктивным и иным лицам по факту подозрений, высказанных независимыми наблюдателями.

(б) Рассылка извещений законным избирателям, враждебным по отношению к политической машине, в ожидании, что они не позаботятся об ответе и будут лишены возможности проголосовать.

3. Замена членов избирательных комиссий.

(а) Схема, по которой законно назначенного члена избирательной комиссии либо похищают с избирательного пункта, либо запугиванием заставляют держаться подальше, а освободившееся после него

место в счетной комиссии отдается удачно оказавшемуся под рукой работнику «машины». Выбор нового члена осуществляется судьями в избирательном пункте.

4. Пропуск инициалов в бюллетенях для голосования.

(а) Намеренный пропуск инициалов членов комиссии в бюллетенях, выдаваемых избирателям, известным своей враждебностью к «машине»; бюллетень в этом случае признается недействительным.

5. Дорисовывание, двойное маркирование.

(а) Трюк, посредством которого члены избирательной комиссии при подсчете бюллетеней тайком ставят в них крестики напротив имен, которые избиратель оставил непомеченными, или путем двойной маркировки делают поданный избирателем голос недействительным. Двойная маркировка — это хитрость, посредством которой поданный голос делается недействительным с помощью простановки крестика напротив имени противостоящего кандидата на тот же пост. Поскольку такое может произойти даже с добросовестным избирателем, шансы обнаружить подтасовку невелики.

6. Перестановка полученных суммарных результатов в учетном листке.

(а) Внешне невинная и вполне правдоподобная ошибка, посредством которой общие суммы поданных голосов переставляются в пользу предпочтительных кандидатов.

7. Изменение полученных суммарных результатов в учетном листке.

(а) Подделка общих результатов, тогда как наблюдатели якобы присутствуют во время подсчета голосов в избирательных пунктах.

8. Полное изменение результатов в учетном листке.

(а) В наиболее выдающихся избирательных округах общие суммы вставляются без малейшего внимания к числу или распределению поданных голосов. Это требует молчаливого согласия всех сотрудников и наблюдателей от партий.

9. Подмена учетных листов.

(а) Замена первоначального листка, заполненного под контролем наблюдателей, фальшивым, заполненным работниками «машины» в соответствии с указаниями, полученными от партийных боссов.

10. Подмена бюллетеней.

(а) Вскрытие запечатанных конвертов, содержащих бюллетени, после того, как они покинули избирательный пункт, и замена их фальшивыми, заполненными в соответствии с указаниями партийных боссов.

Б. Незаконные деятельности партийных работников.

1. Регистрация.

(а) Регистрация бродяг-нерезидентов под вымышленными именами и адресами.

(б) Использование ложных утверждений о продолжительности проживания по правильно названному адресу.

(в) Регистрация добросовестных избирателей одного избирательного участка в другом в пользу политического босса в обмен на его покровительство.

(г) Предоставление жилья колониям бродяг по крайней мере на тридцать дней ради соответствия закону о временном проживании. Это позволяет районным боссам законно распоряжаться большим числом голосов, в действительности фальсифицированных.

2. Картотеки.

(а) Использование картотек, полученных до дня выборов, с целью определения желательности незарегистрированных избирателей для партийных интересов и, если расклад благоприятен, районному боссу каким-то образом удается вписать имена в регистрационные книги после того, как они уже закрыты.

3. Наполнение избирательных урн фальшивыми бюллетенями.

(а) Закладывание в избирательную урну пачки уже заполненных бюллетеней до открытия избирательного пункта.

(б) Набеги вооруженных громил на избирательные пункты и похищение урн до начала подсчета голосов.

(в) Запугивание членов избирательной комиссии во время подсчета бюллетеней, когда подкладываются фальшивые бюллетени.

(г) Похищение целой пачки пустых бюллетеней до открытия избирательного пункта. Эти бюллетени заполняются и позже смешиваются с действительными бюллетенями во время подсчета.

4. Незаконное голосование.

(а) Система цепочки — голосование по очереди. Первому в очереди избирателей дается заполненный бюллетень, который он берет с собой на избирательный пункт и опускает в урну. С собой он выносит пустой бюллетень, выданный ему клерком, который опять же заполняется партийным работником на улице и выдается следующему в «очереди», и так до бесконечности.

(б) Голосование за бывших резидентов, покинувших район после регистрации.

(в) Голосование за не проголосовавших зарегистрированных избирателей.

(г) Голосование за зарегистрированных избирателей, которые не появляются в избирательном пункте почти до его закрытия. Этим избирателям отказывают в праве голосовать на том основании, что они уже это сделали.

(д) Вынос бюллетеней за пределы избирательного пункта якобы для избирателей, прикованных к постели, но на самом деле для фальшивого заполнения.

(е) Запугивание вооруженными братками законных избирателей, призывающее их покинуть избирательный пункт, так и не проголосовав.

(ж) Стрельба в избирательных пунктах и изгнание из них избирателей.

(з) Покупка голосов фракционными лидерами как у тех, кто контролирует лиц, голосующих по несколько раз, так и у тех, кто подсчитывает бюллетени.

5. Похищение работников.

(а) К нему прибегают, когда партийный работник начинает слишком громко возмущаться «машиной» во время манипуляций с бюллетенями или когда он известен как серьезный и бескомпромиссный работник оппозиции; а также с целью вселить страх в противостоящую партию, так чтобы люди, работающие на нее, отказались работать на нее на следующих выборах.

6. Открытый конфликт работников.

(а) Когда обе фракции используют громил для контроля над избирательным пунктом, иногда происходит открытое военное столкновение, если громилы от одной фракции сопротивляются фальсификационным практикам другой фракции.

7. Освобождение арестованных работников.

(а) Когда полиция производит арест фальшивого избирателя, последний обычно освобождается либо вооруженными громилами под угрозой оружия, либо уполномоченными бейлифами муниципально-го суда, находящимися в пунктах для охраны порядка, либо судьей, активно вовлеченным в политику, который устраивает суд в избирательном пункте или рядом на улице и освобождает фальшивого избирателя посредством судебного процесса.

8. Контроль над полицией.

(а) Принуждение полиции выполнять приказания районного босса посредством угрозы понизить в должности или обещания передать

благоприятный отзыв начальству. Обычно полицейского просят удалиться из избирательного пункта на время совершения подтасовок. Это оставляет полицию безупречной.

9. Убийство.

(а) Преднамеренное убийство партийных работников и политических кандидатов от оппозиционных фракций, когда становится очевидно, что эти кандидаты наверняка будут избраны.

10. Поддержка со стороны бизнеса.

(а) От владельцев бизнеса, получающих прибыль благодаря покровительству хулиганских банд, требуют предоставления автомобилей для перевозки этих фальсификаторов. Как только «хулигана» усаживают в автомобиль, он может проявить мало сопротивления гангстерскому убеждению.

В. Действия, предпринимаемые после объявления результатов голосования.

1. Пересчет голосов.

(а) Как средство разрешения споров между фракциями и для дискредитации противостоящей фракции.

(б) Как средство не допустить попадания бюллетеней в руки тех, кто стремится добиться пересчета голосов членами избирательной комиссии.

(в) Как средство не допустить попадания бюллетеней в руки специальных больших жюри, расследующих махинации с бюллетенями.

(г) Отказ хранителя бюллетеней отдать их враждебной фракции или большому жюри до тех пор, пока они не будут затребованы в судебном порядке.

2. Противодействие прокурору штата.

(а) Противодействие в назначении специального большого жюри.

(б) Противодействие в назначении специального прокурора штата.

3. Противодействие со стороны Окружного собрания.

(а) Отказ выделить средства на специальное большое жюри или на специального прокурора штата.

(б) Предписание от имени налогоплательщика запретить использование уже выделенных средств специальным прокурором штата.

(в) Отказ Окружного собрания выделить дополнительные средства на продолжение расследования фальсификаций на выборах.

4. Отмена предписаний.

(а) После того, как предписания были приняты, а средства израсходованы, вдруг обнаруживается, что предписания ошибочны ввиду какой-то технической неточности.

5. Оспаривание юрисдикции Окружного суда в судебном преследовании фальсификаций на выборах.

(а) Оспаривание судебных решений, принятых Окружным судом.

(б) Продавливание судебных приказов об освобождении лиц, осужденных за манипуляцию голосами, при настаивании на выездных сессиях Окружного или Верховного суда с последующей стычкой судей вокруг юрисдикции. Исчезновение осужденных лиц во время подачи апелляций в Верховный суд.

Кто есть кто в организованной преступности в Чикаго?

Одной из частей этого исследования было создание картотеки чикагских преступников с отбором некоторого числа наиболее активных, успешных и выдающихся для справочника «Кто есть кто в организованной преступности в Чикаго?» Использовались следующие доступные источники информации:

1. Каждое имя, появлявшееся в криминальных новостях чикагских газет на протяжении одного года, было внесено в список; заметки были вырезаны, классифицированы и скомпонованы в досье, имена — каталогизированы.

2. Имена преступников, попавшие в ежедневные полицейские сводки, также были классифицированы и каталогизированы.

3. Из текущих новостей были получены имена лидеров банд, и истории этих банд были прослежены с помощью газетных архивов за 25 лет. Этот метод позволил узнать не только имена лиц, связанных с лидерами, но также имена и деятельности противостоящих им банд или синдикатов и их лидеров.

4. Биографии лидеров были собраны в районах деятельности их банд; были установлены географические местоположения банд, а также мотивы их конфликта и сотрудничества.

5. За три с половиной года, везде, где было возможно, были установлены прямые контакты как с лидерами банд, так и с их сторонниками. Была собрана ограниченная коллекция биографий гангстеров, являвшихся одновременно бывшими заключенными; вошедшие в нее случаи были довольно равномерно распределены по городу.

6. 2600 досье условно осужденных, полученных в Чикагской комиссии по преступности, дали имена, которые были классифицированы и добавлены в наш каталог.

7. В Ассоциации уголовного правосудия штата Иллинойс было получено еще сто имен, отобранных для проверки законности их ареста; эти имена также были добавлены в список.

Скомпилированный таким образом каталог содержит приблизительно 7 тысяч имен. Он, разумеется, не полон, но может быть взят как более или менее репрезентативный для недавней преступной деятельности в Чикаго.

Из этих 7 тысяч записей было отобрано 400 имен для включения в «Кто есть кто в организованной преступности». Первым, что при этом учитывалось, было постоянство появления имени в текущих новостях на протяжении тех 25 лет, которые были охвачены историческими изысканиями. Вторым моментом было положение человека в криминальных новостях и криминальной истории: его важность, престиж и степень известности. С точки зрения организованной преступности, связь человека с бандой была основным фактором его отбора. И наконец, этот список, включающий 400 человек, самых упоминаемых, самых известных и наиболее очевидно связанных с организованной преступностью, был сверен в бюро идентификации департамента полиции и в службе секретаря полиции. Это помогло выявить дополнительную ценную информацию, которая была абстрагирована и включена в целях сравнения в аналитические схемы. Главным открытием было то, что на большинство по-настоящему значительных гангстеров в полицейской картотеке было крайне мало записей или вообще не было записей. Преступники были сгруппированы по типам. Этот анализ специализированных преступных занятий показал, что риск наказания в Чикаго был гораздо ниже, чем в других сообществах и других штатах. Это показывает важность местных знакомств и политического влияния для обеспечения защиты и иммунитета от правовых наказаний.

Было обнаружено, что в некоторых видах организованной преступности в Чикаго наказание получают только пешки, причем, почти без исключений, незначительные наказания. Вышестоящие криминальные бароны, пожинаящие колоссальные прибыли, действуют в условиях почти неограниченной свободы. Этими формами преступности, с которых криминальные спекулянты стригут свои купоны, являются бутлегерство, азартные игры, порок и «сбор дани» с работающими и тор-

гующих. В настоящее время риск подвергнуться судебному преследованию и тюремному заключению за осуществление этих нелегальных операций очень невелик.

Защита гангстером своего образа жизни

Гангстер достигает статуса, будучи гангстером и обладая установками гангстера, а репутацию свою повышает посредством преступных деяний. Обычно гангстер вырастает в соседствах с давней бандитской традицией. Он с раннего детства погружается в эту традицию в мире, где воровство, вандализм, сексуальная делинквентность и жестокость составляют неотъемлемую часть его игровой жизни. «Ненависть к копу» является для него нормальной установкой по отношению к закону. Без банды жизнь была бы для этих детей неприятной и тусклой. Отец-иммигрант обычно трудится на промышленном предприятии, а мать заботится о большой семье и пытается заработать дополнительные деньги такой дополнительной работой, как стирка на дому. Упорно работая, чтобы свести концы с концами, они неохотно тратятся на удовольствия.

Молодой член шайки выбирает в качестве образца тех людей в соседстве, которые достигли успеха. Его отец, хотя и добродетелен в своей грязи, нищете и бережливости, не представляет для него столь соблазнительного примера, как некоторые соседские гангстеры. Люди, ошивающиеся в ближайших игорных домах, добродушны, хорошо одеты, умудрены опытом, и прежде всего, в глазах подростка из шайки, они американцы. Демонстративные расходы нувориша из организованного преступного мира и его чрезмерное выставление себя напоказ спутывают и переворачивают традиционные стандарты и ценности даже самых законопослушных членов сообщества.

Риски противоправной или преступной карьеры подсчитываются, и в некоторых случаях принимаются надлежащие предосторожности. Опытный преступник или подросток, воспитанный в культуре шайки, подходит к своей «проблеме с законом» как к делу, которое может быть улажено тысячью разных способов: есть друзья и «посредники», лжесвидетельство, взятка и запугивание. Есть определенное поведение, приличествующее в его обществе настоящему мужчине. Он не должен выдавать никакой информации о своих друзьях; он не должен верить полиции, когда ему говорят, что его друзья «раскололись». Из историй, которые он слышал с детства, он знает, что ему, возможно, придется вытерпеть избиения или пытки, однако в глубине души

он знает, что этот опыт принесет ему похвалы его группы, точь-в-точь как молодому солдату, который получил боевое крещение.

Мир гангстера — это мир, в котором вора-взломщика могут посадить в тюрьму, а «скупщик краденого» сохраняет все свое богатство. Более того, этот «скупщик» может быть важной фигурой в политической жизни района. Зрелый гангстер начинает рассматривать мир как место, в котором каждый занимается своим рэкетом, за исключением «бедного трудяги», ибо, оглядываясь вокруг, он находит обилие покупателей награбленного добра, какое угодно полицейское покровительство за денежную плату, и едва ли не все в его мире может быть «нейтрализовано». Молодой гангстер проводит завистливые сравнения между возможностями достижения успеха в криминальной и законной карьере. Он противопоставляет «легкие деньги» и «хорошее времяпрепровождение» игрока, контрабандиста пива, «виртуозного налетчика» и мошенника низкой зарплате и многочасовой работе труженика. Он с замиранием в голосе говорит о власти, мужестве, мастерстве, импозантности и доброте выдающихся лидеров банд. Его прославление жизни и персонажей преступного мира является исчерпывающим доказательством отсутствия у него какого-либо чувства неполноценности или стыда в связи с его преступными устремлениями.

Когда гангстер начинает читать мораль в свою защиту, он представляет массу фактов в доказательство своего утверждения, что у каждого имеется свой «рэкет». Он начинает с полиции. Гангстер находится в положении, из которого наблюдает полицейского как получателя лепты с его заработков. Отчисления полиции становятся иногда столь велики, что он фактически начинает работать на полицию. Политик в районе, где проживает гангстер, получает подношения от преступников, когда им нужна «политическая протекция», и использует их для фальсификаций и запугивания, например, на выборах. Гангстер нисколько не преувеличивает, когда говорит, что никогда не видел честных выборов. Его товарищи по банде, получившие некогда хотя бы мелкие работы, обеспечившие им доступ к большим политикам и владельцам государственных должностей, богатеют на тех незаконных доходах, которые они получают за информацию, содействие и протекцию.

В тюрьме он может впервые связаться с обанкротившимся банкиром или бессовестным организатором сомнительных авантур. Сравнивая себя как преступника с получающими незаконные доходы биз-

несменами, полицейскими и политиками, гангстер чувствует собственное моральное превосходство. Эту универсальную установку преступного мира, вероятно, лучше всего выразил Аль Капоне, когда в интервью сказал:

«Есть вещь похуже, чем проходимец, и это нечестный человек на большом политическом посту — человек, который притворяется, что защищает закон, а на самом деле вытягивает деньги из того, кто его нарушает. Даже уважающий себя «бандюга» презирает таких подонков. Он покупает их так, как купил бы любую другую вещь, нужную в его деле, но он всем сердцем их ненавидит».

В воображении многих законопослушных граждан, преступник все время мучается угрызениями совести. Им трудно поверить, что гангстер редко, если вообще, испытывает угрызения совести по поводу своих преступлений. За четыре года тесного контакта с гангстерами автору почти не приходилось сталкиваться с таким чувством у чикагских гангстеров. Конечно, он испытывает душевные муки, но не за свои преступления, а за то, что его поймали и осудили. Терзания начинаются тогда, когда попытка избежать судебного преследования блокируется, и он оказывается в безвыходном положении. До тех пор, пока есть практическая надежда, в его разуме лихорадочно анализируются возможности что-нибудь предпринять. В дружеской группе, заинтересованной в его деле, царит суета, бурно обсуждаются слухи, аргументы и контраргументы по поводу средств, которые могут быть использованы, и ресурсов, которые могут быть задействованы. Когда уже ничего нельзя сделать, мысли поворачиваются внутрь и направляются на самооценку. Человек впадает в подавленное состояние в связи со своим затруднением, и отсюда возникают душевные терзания. Таким образом, раскаяние гангстера основано не на его изначальном чувстве вины за совершенное преступление, а на его ощущении, что он ошибся в выборе друзей или напрасно на них положился.

Хотя совершенные преступления нисколько не беспокоят гангстера, его до глубины души возмущают обвинения в том, что он предал своих друзей. Выдать товарища — единственное преступление в преступном мире, в котором его члены все как один, скорее всего, будут искренне раскаиваться.

Если гангстер не чувствует раскаяния, то каковы мотивы, ведущие к его исправлению? Все криминологи понимают, что многие преступники бросают преступную жизнь и встают на законопослушный путь. Тому есть множество причин, но главным фактором, видимо, является вывод, что «преступление не окупается».

Часто преступник, освободившись из исправительного учреждения или тюрьмы штата, пытается вести законопослушную жизнь. Нередко, несмотря ни на что, ему это удается. Однако для многих бывших заключенных трудности на пути исправления оказываются почти непреодолимыми. Когда человек выходит на свободу, он встречает трудности с нахождением работы. Он может с трудом перебиваться на скудной зарплате и видеть большие финансовые успехи своих друзей в преступных занятиях, защищенных от посягательств закона. Часто бывший заключенный оказывается профессионально неподготовлен: школьные годы были бездарно потрачены на прогулы и правонарушения, а после он либо эпизодически нанимался на бесперспективные работы, либо вообще не работал. Это делает нахождение работы вдвойне затруднительным. Другой мощный фактор возвращения к преступной карьере — помощь и великодушные старых товарищей по преступлениям. Их помощь нередко предоставляется с большей человеческой симпатией, чем более формальная помощь, идущая от социальных служб. Этот контакт со старыми знакомыми из преступного мира не только накладывает на него обязательства перед ними, но и не позволяет ему достичь своей цели исправления.

Члены банды, которые были наказаны тюремным заключением, никогда не излечиваются полностью от непонятного для них надругательства над их судьбой. В их размышлениях о том, как так получилось, всегда присутствует все больше возможностей того, кто мог быть врагом, кто мог быть «стукачом» и какие скрытые мотивы могли быть у него или у следствия отправить их в тюрьму. Благосостояние, стандарты и законы организованного общества не пробуждают в их сердцах и сознаниях никакой реакции. У них, по-видимому, нет иного представления о правосудии, законах и судах, кроме как о внешней, навязанной системе подавления, которую они всеми правдами и неправдами должны игнорировать и обходить.

Представленный здесь портрет гангстера очень отличается от нынешних его описаний, которые предлагаются как мягкосердечными

сентименталистами, так и твердолобыми реалистами. Если дать ему возможность говорить за самого себя, становится видно, что он — не невинный юноша, сбитый с правильного пути дурной компанией, но готовый творить добро, если ему будет дан шанс, и вместе с тем не бессердечный и порочный индивид, умышленно и мстительно избравший своим поприщем войну с обществом.

История собственной жизни, которую он рассказывает, показывает, что он естественный продукт своей среды — а именно, трущоб наших крупных американских городов. Эти трущобные ареалы образовались в процессе роста города. Они были портами первого проникновения для каждой новой волны иммигрантов из-за рубежа. Эти трущобные ареалы, населенные национальными группами, равно как промышленные ареалы вроде Задворков, увы, подвержены постоянной потере своих законно преуспевающих граждан. Людям свойственно постоянное стремление перебраться отсюда в лучшие районы города, и вместе с ростом населения это стремление возрастает. Выезжая отсюда, успешные семьи оставляют за собой трудящегося иностранца-неудачника, который неприемлем в качестве образца для детей и молодежи в процессе их американизации. Рядом с ним остаются также гангстер и политический босс, становящиеся практически единственной моделью успеха.

Следовательно, гангстер — продукт своего окружения, точно так же как добропорядочный гражданин — продукт своего. Добропорядочный гражданин вырастает в атмосфере подчинения закону и уважения к нему. Гангстер живет в районе нарушения закона, взяточничества и «посредничества». Именно поэтому добропорядочный гражданин и гангстер никогда не способны понять друг друга. Они были воспитаны в двух разных мирах.

Истории, которые гангстеры рассказывают о собственной жизни, должны позволить добропорядочным гражданам более разумно и, следовательно, более эффективно работать с проблемой организованной преступности. Во-первых, они позволят общественности осознать, насколько глубоко укоренены и широко распространены практики и философия гангстера в жизни и росте города. Во-вторых, понимание этого должно сделать возможным принятие конструктивной программы, которая не будет довольствоваться наказанием отдельных бандитов и их союзников, а перерастет во фронтальную атаку на базисные причины преступности в Чикаго.

Резюме и рекомендации²

Окончательный и итоговый вывод из нашего исследования состоит в том, что контроль над организованной преступностью есть всегда, в конечном счете, *проблема общественного мнения*. Организованная преступность всегда пытается коммерциализировать и эксплуатировать человеческую природу. Законодательными и другими мерами общество стремится защитить своих граждан от преступных импульсов, разрушительных для человеческого счастья и социального порядка. Общественное мнение в наших крупнейших американских городах, по-видимому, все время колеблется между поддержкой широко открытого города, в котором почти или совсем не исполняются законы, регулирующие личное поведение, и реформой, подкрепленной крестовыми походами.

Крестовые походы активизируют общественные чувства против каких-то существующих злоупотреблений или нарушений, однако столь быстротечны по своему характеру, что обычно достигают лишь временного успеха, и возникает реакция против них. Одна из причин неудачи крестовых походов против порока и преступности состоит в том, что они устраиваются для поддержки некоторой общей политики охраны правопорядка. Они редко, если вообще когда-нибудь, базируются на изучении проблемы. Необходима программа, которая работала бы с проблемой преступности детально и последовательно, то есть расчленила ситуацию преступности на разные ее элементы, рассматривая каждую ситуацию преступности по отдельности и вырабатывая одно за другим конструктивные решения. Это всего лишь применение методов бизнеса и научных процедур к исследованию и решению проблемы преступности. Порядок отбора отдельных ситуаций преступности для специализированного рассмотрения зависел бы от многих факторов, таких, как существующие условия, состояние общественного мнения и относительная эффективность имеющихся методов контроля.

Волна общественных чувств, поднятая крестовым походом, нуждается в направлении; в противном случае она вся уходит в брызги. Общественные чувства — великая сила, если должным образом их направить. Однако придание направления требует нахождения и исследования фактов. Общественное мнение, выраженное на избира-

тельном пункте, дает избранному должностному лицу полномочие действовать, но эти действия требуют большей мудрости, чем та, которой обычно обладает публика, когда пытается его направлять.

Последовательная политика и программа охраны правопорядка не могут базироваться на крестовых походах; они должны опираться на формирование общественного мнения, осведомленного в том, как реально функционируют организованная преступность и политические машины. Газеты оказывают в этом плане неоценимую услугу, давая относительно точные ежедневные отчеты о преступности. Однако образные описания текущих событий в газетах не дают их читателям уравновешенности и перспективы, необходимых для выработки последовательной политики и программы действий. Настоящее исследование показало, как в прошлом *крестовые походы против преступности из раза в раз терпели неудачу*, хотя общественное мнение каждый раз доводилось до белого каления.

Хотя исходные источники могущества гангстера находятся в его районе, короли порока, игорного бизнеса и бутлегерства в полной мере использовали те преимущества, которые дает сложность окружного, городского, поселкового и деревенского административного управления в *более широком регионе Чикаго*. Контроль над преступностью не может более функционировать при той системе административной машинерии, которую рост города и новые средства быстрого транспорта, такие, как автомобиль, сделали устаревшими. Решение проблем здравоохранения и организации отдыха, также как и проблемы организованной преступности, требует организации муниципалитета Большого Чикаго. Слияние города Чикаго и округа Кук — первый практический шаг.

Это исследование показывает, что *ни одна служба* не может справиться с масштабом проблем, поставленных организованной преступностью в игорном бизнесе, коммерциализированном пороке, бутлегерстве и деятельности банд. Этот спектр проблем требует специальной работы Комиссии по преступности, которая стимулировала бы усилия правоохранительных служб и поддерживала постоянный интерес специальных групп к этим проблемам.

Однако, вдобавок к усилиям Комиссии по преступности, нужно найти какой-то способ координации ее усилий с работой других организаций, дабы избежать дублирования и обеспечить сотрудничество. Пожалуй, лучше всего координация будет обеспечиваться не слияни-

² Написано Э.У. Бёрджессом в 1928 г. в качестве дополнения к отчету.

ем этих организаций, как иногда предлагается сделать, а предусмотрением организации, которая бы специально занималась нахождением фактов, составлением отчетов о преступности и, если понадобится, специальными исследованиями. Эта организация не должна быть связана с какой-то особой политической линией или программой; она должна быть незаинтересованной, дабы гарантировалось общественное доверие к ее открытиям и отчетам. Представляется, что Ассоциация уголовного правосудия штата Иллинойс из всех существующих организаций лучше всего подходит для того, чтобы взять на себя эту функцию. Использование этой службы было бы естественным и логичным следствием проводимого ею исследования, которое в настоящее время близится к завершению.

Важность этой организации нельзя переоценить. Сегодня никто не знает, сколько преступлений совершается в Чикаго или любом другом крупном городе нашей страны. Никто не знает, какой суммарный ущерб причиняет сообществу преступность. Тем не менее эти факты принципиально необходимы для всякой адекватной программы отслеживания преступности. Для развития разумного общественного мнения в области контроля над преступностью требуется точно такая же точная и проверенная информация, как и в областях пожарной охраны и общественного здравоохранения. От систематической и непрерывной работы по отслеживанию состояния преступности и правоохранительной деятельности можно ожидать таких же больших результатов в профилактике и контроле над преступностью, какие были достигнуты благодаря аналогичным мероприятиям в сфере общественного здравоохранения.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

ФРЕДЕРИК МИЛТОН ТРЭШЕР

ШАЙКА: ИССЛЕДОВАНИЕ 1313 ШАЕК ЧИКАГО¹

Перепись чикагских шаек выявила наличие в городе и его окрестностях 1313 групп этого типа, состоящих по большей части из подростков и молодых людей в возрасте от 10 до 25 лет. Достаточно большое число этих шаек было столь явно размещено в определенных районах, что мы со всем основанием можем определить их общую среду обитания как ту широкую полукруглую зону перехода («пояс бедности»), которая окружает центральный деловой район города (Большую Петлю). Также они были обнаружены вдоль деловых улиц, железнодорожных путей и водоемов, имевших промежуточный характер по отношению к лучшим жилым ареалам. Исследование типичной среды обитания шаек привело к выводу, что шайка — географически промежуточная группа, расцветающая в расщелинах, образуемых зонами бизнеса, промышленной и железнодорожной собственности.

Изучение процесса образования шаек (ganging) выявило происхождение шаек в игровых группах и схожих скоплениях мальчиков, которые легче всего формировались в многолюдных и дезорганизованных частях города. В ходе исследования выяснилось, что эти регионы во многих отношениях напоминают фронт — и с экономической, и с культурной, и с моральной точки зрения. Эта корреляция шайки с дезорганизацией сообщества заставила заключить, что мы имеем дело с социально промежуточной группой. Обследование шаек в других городах и в других ареалах дало общее подтверждение этой интерпретации.

¹ Перевод выполнен по: *Thrasher F.M. The Gang: A Study of 1,313 Gangs of Chicago // Burgess E.W., Bogue D.J. (eds). Contributions to Urban Sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1964. P. 655-659.* Данный материал представляет собой автореферат одноименной докторской диссертации, защищенной Трэшером в Чикагском университете в 1936 г. Оригинал автореферата хранится в Библиотеке Чикагского университета. Целиком исследование опубликовано в одноименной книге в 1927 г.